

ТЕТРАДЬ №2

дневники постапокалипсиса

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мирон Высота

Мирон Высота

**Тетрадь №2. Дневники
постапокалипсиса**

«Автор»

2019

Мирон Высота

Тетрадь №2. Дневники постапокалипсиса / Мирон Высота —
«Автор», 2019

Дневник неуверенной в себе девушки, вынужденной выживать после конца света на окраине Екатеринбурга. Фото обложки - собственность автора. Содержит нецензурную брань.

© Мирон Высота, 2019

© Автор, 2019

Мирон Высота

Тетрадь №2. Дневники постапокалипсиса

Запись 1.

Вой. Мороз. Ночь. Пальцы рук мерзнут, я отогреваю их в шубинках. Страх нет. Хотя, казалось бы. Меня больше беспокоит отсутствие моментального доступа к горячему душу, когда ты сделал пару шагов по комнате, крутанул вентиль и вот оно – тепло.

Какое это было замечательное время – протяни руку и целый мир, вот он, рядом. Живой. Голоса, прикосновения, взгляды, суэта уличных пробок движения, будущее. То, чего никогда уже не случится.

Воют псы. Мороз набирает силу. Крыша искриться миллионами звезд. Это, наверное, последний мороз этой зимой. А я последний человек на Земле. Ну и еще двое со мной.

Запись 2.

После того, как собаки догнали и сожрали Веру, нас осталось трое. По правде говоря, о Вере никто не жалеет. Уж я-то точно. Пока нас было четверо, все это до нелепости напоминало случайную встречу незнакомых людей в общаге, когда все самые отвязные разошлись по комнатам, а вы, невостребованные неудачники, остались и вся наша конструкция – две девочки – два мальчика, быстро обросла интригами и двусмысленностью. Вера пыталась усидеть своим толстым задом на двух стульях – альфа-самки и хранительницы очага, плохо справляясь и с тем, и другим. Типа всем мать – никому не родная. Влажные фантазии. Потом до ее зада добрались псы, а никто из нас не вернулся помочь, чтобы сложить свой зад рядом с ее. А вот не фиг устраивать водевиль посреди апокалипсиса.

Запись 3.

Если уж на то пошло, я больше жалею о потерянных во время побега записях, которые вела с начала События. Восемь месяцев жизни. Псу под хвост.

Запись 4.

Единственный навык, который нужно тренировать для подготовки к апокалипсису, и вообще любому замесу – это умение быстро бегать. Вот серьезно. При виде любой опасности – беги. В ходу надежная максима – тебе не нужно бежать быстрее опасности, тебе нужно бежать быстрее товарища. Вера на самом деле была милая, хозяйственная, но медленная. А я злая, циничная, но молодая и бегаю быстро. Спасибо парку имени Павлика Морозова, который был в городе Екатеринбурге. Беги, Форест, беги.

Запись 5.

Не могла заснуть. Думала про Веру. Вернее, про свое к ней такое равнодушное отношение. Вера была норм, если честно. Да она раздражала, да командовала, да была безнадежной стервой, но на ней держался весь наш быт. Она реально могла превратить любой скудный набор продуктов в удобоваримый обед, она с утра до вечера чистила наш дом – уборка, стирка, ремонт, все проходило под ее надзором и с ее подачи. Почему же Я так ненавидела ее? Повертела этот вопрос и так, и сяк. Все это опять упирается в самое главное почему – почему выжили именно мы? И выжили ли вообще мы? Может это именно нас не стало, может это мы вычеркнуты из жизни вместе с этим жутким голодом, с этой бессмысленной переменой времен года? И ужас, который выступает следом – именно с этими людьми мне теперь предстоит (что делать???) жить? Выживать? существовать? Вот только они? Больше никого? Не могли подобрать кого-то получше? Я не выбирала вас! Вы мне неприятны! Вы раздражаете меня, я

ненавижу вас – все что вы говорите, как вы говорите, как вы ходите, едите, спите, дышите! Идите к черту! Пусть вас всех заберут псы!

Запись 6.

Привыкла сидеть ночами на крыше, хоть и холодно. Стынут пальцы. Но у меня есть фляжка. Только потом придется зажевывать чем-нибудь чтобы не унюхали. У нас сухой закон.

Видела НЛО. Ночью, конечно. Цепь огней по краю антрацитового круга, чернее самого черного ночного неба. Это ведь они все сделали – маленькие серые человечки, освободили Землю от нас. Вытравили, как насекомых. Как тараканов. Оставив немногих лишь по недосмотру, неуловимые соринки по углам после уборки. Всегда остаются, сколько не три тряпкой. Ну ничего, мы тоже долго не протянем. Когда рушится дом – соринки не в счет.

Я помню, еще в школе была, папаша смотрел какой-то научный фильм, ну и я с ним соответственно. Без особого желания, но Папаша говорил – у кого пульт – тот и прав. И так и валялся на диване – повышал образование на НэшнлДжиографик. Лежащий путешественник. Так вот. Фильм был на тему что останется после нас. Как изменятся города и вообще планета если мы, люди, вдруг исчезнем. Вроде как сто лет и уже истлеют все дома, упадут небоскребы, проржавеют машины и механизмы, воздух очистится как легкие бросившего вдруг курильщика, только пластиковые пакеты останутся. А через тысячу лет можно заселять новых человечков уже. И все по новой – Древний Мир, древний Рим, Христос, рыцари, Ньютон, паровые машины, революции, войны, голод, смерть, прогресс, айфон. Все по новой. Те же страсти, те же события. Интересно было бы посмотреть. А мы оставшиеся, все-таки вымрем, вернее домрем или одичаем, собьемся в племена, научимся добывать огонь, когда кончатся все зажигалки, будем выживать, картошку выращивать, охотится с копьем, приручим гребанных псов, чтоб они уже не выли наконец.

Оставшиеся мы. Ну не может же так быть, что они убрали всех людей и типа оставили лучших. Кто эти лучшие? Капитоша? Денис? Я? По каким критериям нас отобрали? Явно же не по набору интеллектуальных качеств, или там физических. Какой-нибудь генетический код возможно. Бред.

А может нас выбрали как самых средних? Вот самых усредненных, не то, чтобы совсем серых, а вроде как медиана, ни то ни се, ни рыба ни мясо. Собирательный образ. Та-а-ак. Понеслась мысль в небеса. Пора спать.

Запись 7.

Перечитала вчерашнее. Все время хочется какого-нибудь объяснения, тайны или мысли об избранности и собственной исключительности. Веры в чудо. Нас выбрали потому, что мы.... Херня. Никто нас не выбирал – не инопланетяне, ни Бог, ни провидение, ни судьба. Просто так совпало. Без логики. Нет никаких закономерностей и причин. Всеобщий хаос и случай. Пора перестать гонять эти порожняки в голове. А Веру сожрали псы. Буквально. Живьем.

Запись 8.

Я воняю, и вся чешусь к тому же. Это притом, что я соблюдаю гигиену и волосы очень коротко острижены – я раз в две недели беру ножницы и остригаю все до чего можно дотянуться – тут уж не до красоты, не было бы вшей – все равно я ношу спортивную шапку (вязанную), а в театр мне не ходить. Рожу мажу Бепантеном. Нос все рано облазит. И прыщи.

Ну и что? Соблазнять тут некого. И как-то не хочется даже. Конец света напрочь убил секс. Нельзя сказать, что до События у меня его было прям завались – после Павлика можно сказать строго держала целибат. Если, конечно, не считать того аспиранта. И того парня из Дома Печати после концерта Хаски. Но я тогда была пьяная и вообще на взводе. Ха! Чуть не написала, а еще того разносчика пиццы. Почему бы и нет. Спонтанность это мое. Но лето

ноеле Навлика перед Событием прошло на сухую. Не то что бы секс был жизненно важен. Но ничто не лечит так душевные раны, как секс и работа. А какая работа летом. Половина сессия, половина отработка.

Теперь которую ночь сижу на крыше. С переноской-фонарем, с тетрадью (со Второй тетрадью!) закутавшись в одеяло, с фляжечкой. Так не хочется возвращаться в этот смрад и духоту комнаты. Но если спать на воздухе точно подхватишь воспаление легких. А это стопроцентная смерть.

Запись 9.

Распробовав человека, проклятые псы теперь рыщут по всей округе. Омерзительно воют днем и ночью. Их сотни. Или даже тысячи. Тысячи псов. Когда конкурирующие стаи сталкиваются отчетливо слышится треск, грызня и мерзкое чавканье. Но вой в разы отвратительнее. Засыпаю под вой, и эти псы, они все бегут и бегут за мной следом, как за Кафкой. Тому постоянно мерещились псы, которые преследуют его. Странно, сумасшедший Кафка жил в более-менее приличном мире, а нормальная я – в сумасшедшем доме, которым этот мир стал.

Запись 10.

Мы живем в частном доме на окраине Екатеринбурга. Пожары до нас не дошли. Дом небольшой, старый, но с русской печью. Дрова во дворе. Растапливать печь как оказалось очень удобно. Наловчились быстро. На кухне газовые баллоны. Во дворе мангал. Электричества конечно же нет. По периметру двухметровый добротный забор. Снегоход правда приходилось бросать в метрах ста вниз по улице. Ближе подъехать нельзя – затык из автомобилей и упавшие деревья. Хотя запасы у нас почти кончились по сравнению с тем, что было на начало зимы – не голодаем. Удобно обыскивать соседние дома – не нужно выходить на улицу, достаточно просто перелазить через заборы. А там в каждом есть чем поживится. Народ запаслив. Нормально короче. Только воющая стая действует на нервы.

Запись 11.

Денис сказал, что нам пора искать новое место. Капитон промолчал. К вопросу о раздражении. Капитон меня капитально раздражает. Бесит так, что, когда он сидит ко мне спиной, широко расставив свои локти и колени, наслаждаясь любым дерьмом на обед или ужин – хочется всадить ему промеж лопаток свой маленький туристический топорик, который всегда со мной. Мне кажется, что Капитон даже не пошевелится. Также синхронно будут двигаться его челюсти, перемалывающие пищу и локти с коленями. А из спины его будет торчать маленький, блестящий топорик. И тоже шевелится в такт движению челюстей. А это его умение наслаждаться дерьмом. Любым съестным дерьмом. Бесит.

(Моя болезненная привязанность к топорiku может показаться странной, так как он бесполезен абсолютно. Но, во-первых, топорик очень красивый. И, во-вторых, тоже.)

Запись 12.

Вынужденное безделье. Не выживание, а просто комплекс бытового обслуживания. Приготовить еду – вымыть посуду. Посидеть – полежать. Наш распорядок дня теперь не отличается особой оригинальностью. Скучно. Соседние дома ободраны нами за зиму до гола. Теплые вещи, инструменты, запасы варенья и гречки – все подчистили. Да, и что там было-то? В этих домах жили какой-то некрасивой жизнью. Все очень убогое, торчащее невпопад. Чувствуешь себя грязным от прикосновений к чужим вещам, посуде. Как будто вляпался во что-то вязкое, жирное.

Запись 13.

Денис постоянно ноет, а Капитон молчит. Мне хочется все время уйти чтобы не видеть ни того, ни другого. Пробовала не вставать с кровати весь день. Закрылась с головой одеялом. Не помогает.

Запись 14.

Опять весь день катали вату – в смысле ничего не делали.

Потеряла топорик, кстати. В смысле где-то он здесь, в доме. Но искать лень.

Запись 15.

Тишина стоит гробовая. Мир вымер. К тому же зима еще не ушла. Типа еще в правах. Или как там у классиков? Дома по соседству пустые, заброшенные. Глядеть на них скучно. Убогие такие домишки. Осень и зима проведенные без хозяев не добавили им лоска, надо сказать. Веет от них враждебностью. Такие злые старички. Одна, я бывает и не рискую заходить в них. Внутри темно, застывший холодный воздух. А ну как выскочит бывший хозяин. Или собака. А в одном видела кота. Шустрый. Сбежал. Тоже бедолага выживает как может.

Внутренности – мебель, посуда, вещи, фотографии и плакаты на стенах, и не поймешь, где тут иконы, где календари, где девочки в белых бантиках – все это умерло раньше хозяев еще до События. Рухлядь подходящее слово. Памятники никчемности. Хозяева-некрофилы устроившие эти кладбища, изредка ворошили этот хлам, пытаясь нагрузить их смыслом, придать им значимости. Ощущение – кто сидел на моем стуле, кто ел из моей чашки. И с календаря улыбается Иисус, а снизу тираж и скотч, которым плакат приклеен к стене скукожился и закруглился. Вещи мертвы и всегда были мертвы. Некрасивые, лишние, дешевые. Когда я смотрю на обстановку этих домов, то слышу скрежет вилки по тарелке, застарелый кашель, пьяный мат, плач детей.

Худшие из них – это бывшие гнезда алкоголиков. В этих домах нет ничего полезного. Все страшное, изломанное. Нагромождение тряпья, прессованное кладбище вещей. Кладбища, кладбища, кладбища. Вокруг. Вещей, жизней, идей. Игрушки. Дешевые куклы без конечностей, машины без колес, пластмассовые автоматы и пистолеты. Их много, и они все сломаны. Выть хочется. Я и вою, но так чтоб никто не слышал и не видел.

А еще здесь есть цыганские дворцы. Торжество безвкусицы. Неуютные. Смешные. Они все как вокзальный туалет. Избыточно большой, в дешевой позолоте, весь в кафеле с узорами, нематыми плафонами с серебристой каемочкой, тяжелой хрустальной люстрой. В множестве вазочек пылятся горы закоростенелых пряников и конфет. Много – значит богато. Богато – значит много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.